

НОВЫЕ
ЗВЕЗДЫ

Дмитрий КОРЧАК:

ДЛЯ ТЕНОРА
ТЯЖЕЛА
ДАЖЕ
СУМКАС Чечилией
Бартоли

Наталья ЗИМЯНИНА

— Представляю, как вы вчера отмечали успех... Утром, чтобы встать, вы что врубае?

— «Эхо Москвы». У нас в общежитии в комнате три человека. И стоит одна и та же волна — «Эхо». Я музыку эстрадную не люблю, а по «Эху Москвы» и новости все время, и погода, и сами передачи интересные. Бывает, им сволочи всякие, хамы звонят — но на «Эхе» за словом в карман не лезут.

— Вы с хорового училища начинали. Которое десятки лет назад прославилось хором мальчиков. Когда в редакции газеты хотели поощрить, посылали делать репортаж об этих хулиганах-ангелах в одном лице. Как вас привели в училище?

— Оно тогда, 15 лет назад, было еще на Большой Грузинской. Папа у меня профессор, доктор технических наук. Но раньше он пел — у него хороший голос был, тоже тенор. Мы гуляли около зоопарка и заметили очень красивую особняк. Подошли — оказалось, это хоровое училище имени Свешникова. Зашли, спросили, когда принимают. А я уже до школы занимался и на фортепиано с педагогом, и на скрипке. И ходил в кружок «Веселые нотки». Мы там пели, сценки ставили. Голос у меня был вроде неплохой, и летом, когда мне было 6 лет, я пришел на прослушивание. Пел «Сурка» и «То березка, то рябина». Меня взяли, и я года два или три проучился на Большой Грузинской, а потом училище переехало на «Речной вокзал». Но в общежитии я живу все там же. Я в детстве говорил — вот, отдали меня в интернат, чтобы не воспитывать.

— В детстве какая песня была любимая? Может, с утра пораньше что-то напевал?

— С утра мы ничего не пели! Потому что я жил в огромной комнате, где было 10 человек. И нас будили, как в армии, постель застилать надо было быстро и аккуратно. Если что — срывали одеяла, заставляли перестилать. В общем, армейские такие были условия в хорошем смысле. В 9 мы вставали, успевали только умыться и позавтракать, а в 9.15 начинался хор.

— Вы с самого начала были солистом? Как солистов выучивают?

— С солидной карьерой у меня в детстве не складывалось. Голос-то у меня был приятный (остались записи), но я был довольно застенчивый, молчаливый. Безумно волновался, мог провалить выступление. Голос дрожал. Один раз чуть не провалил в Германии. Попов даже кричал: «Бездарность! Курица без уха!» Где твой голос?!! Другие солисты гораздо увереннее держали себя на сцене.

— Да Попов-то вас очень любит. Волнуется за вас. Он вас теперь хвалит? Что говорит-то?

— Виктор Сергеевич редко кого хвалит. И правильно делает. Он в основном высказывает замечания. Мало кто скажет правду. Лучше услышать правду от Попова, чем сладкую неправду. Это, собственно, Попов услышал во мне голос. Я учился на дирижерском факультете — петь не собирался. Но Попов после какого-то экзамена по вокалу вызывает меня и говорит, что фирма «Русские сезоны» будет записывать на CD песни Лядова и что он дает мне две песни. Я ему отвечаю, что есть и получше меня солисты, но он настоял: «Будешь петь!» Он сам со мной занимался, учил их со мной. Я сейчас слушаю эту запись шестилетней давности. Голос, конечно, неузнаваем. Тоненький-тоненький, свежесмутированный.

— Чем Академия хорового искусства отличается от консерватории?

— Даже если взять консерваторию в ее лучшие времена, Академия ей не уступает. Как говорил Попов: не хуже, не лучше, а свое. У нас направление хоровое. И в этой области мы на много ступеней выше консерватории.

— Почему Академию называют Шара? У меня версия такая, что в консул давно можно только по блату поступить. А в Академию берут «на шару» — то есть, по конкурсу, без взяток, «бесплатно».

— Это еще училище так называли. Я спрашивал у «старичков» — никто не помнит почему. Лет сорок уже Шара. Мне кажется, это от «шараги».

— Зависть вас уже преследует?

— Певец — это такая профессия, где есть только первые и все остальные. И первым быть очень сложно. Но дирижерам-хоровикам сложно по-своему. Как сейчас создать коллектив? Хор теперь почему-то воспринимается как приложение к какой-нибудь Мессе. А хор — это же не ниже оркестра! Зря оркестровые дирижеры думают, что это второстепенная профессия... А зависть есть везде. Самое страшное и обидное, что по мелочам.

— А вы хорошо учитесь? С кем занимаетесь вокалом?

— С Верой Петровной Александровой. Три года в училище и всю Академию. Последний год — еще Дмитрием Юрьевичем Вдовиным. А в Академии я, если вместе с училищем, 15 лет проучился. Нельзя сказать, что один Попов для меня все сделал. Столько народу, каждый по крупице, в тебя вкладывает! На этой базе музыкант потом всю жизнь живет. Академию я надеюсь закончить с красным дипломом. По двум факультетам.

— Вы для себя уже сформулировали, что точно нельзя тенору?

— По этому поводу принято говорить: острое, мороженое, секс. Острое я ем, но очень острое просто не люблю. Мороженое ем... Но единственное, что мне надо — это тепло и сон. Отдых.

— Та популярная программа, которую вы пели на фестивале, — известные итальянские арии, неаполитанские песни — это весь ваш сольный репертуар?

— По этой программе вообще нельзя судить о моем репертуаре. Это же специально были хиты. Я понимаю вашу подковырку. Действительно, есть вокалисты, которые всю жизнь поют две партии и живут прекрасно. Мне это совсем неинтересно. Спасибо училищу нашему и Академии! — У нас все читают с листа любую партитуру, играют на фортепиано, сами все могут выучить. Вплоть до додекафонной музыки. Я классе в десятом солировал в «Истории жизни и смерти Господа нашего Иисуса Христа» Эдисона Денисова. Не так давно — в Реквиеме Шнитке. Со Спиваковым того же Шнитке исполнял «Пять фрагментов к картинам Иеронима Босха». Так же сам могу это выучить. Ведь вы не поверите — но многие профессиональные певцы учат произведения по полгоду, они им кажется заоблачно трудными. А мы такие клепаем за один день.

— Вам не делали предложения наши оперные театры?

— Пока нет.

— Интересно, как спит Большой и в ус не дует... Давайте с вами поговорим о Большом театре. Что вы там видели?

— В последнее время я ходил туда только на Марининский театр. На гала-концерт и два спектакля — «Золото Рейна» и «Дон Жуан» на фестивале «Золотая маска». Был в «Новой опере» на «Риголетто» с Хворостовским и на юбилейном спектакле «Брависсимо». А сейчас совсем времени мало: госэкзамены по двум факультетам, сольные выступления, мастер-классы, записи, гастроли.

— Из столичных музыкальных театров вам все-таки импонирует «Новая опера»?

— Там разнообразный репертуар. По крайней мере, можно надеяться на исполнение удобной мне партии. И, на мой взгляд, Колобов очень хороший музыкант. Может, сегодня он лучший оперный дирижер в Москве.

— Что бы вам хотелось спеть из близлежащего?

— Либо Ленского, либо Неморино.

— Вы понимаете, что вас, естественно, сейчас начнут сравнивать с Басковым. Может, и сталкивать. Вот я первая, получается, и начинаю. Вы его видели в Большом театре в партии Ленского? Он там, кстати, очень свежо выглядел по сравнению со всей этой страшной рутинной.

— Это не комплимент Баскову. А повод для серьезного разговора о Большом театре.

— Ваши любимые певцы? И можно ли чему-нибудь научиться с пластинок?

— Можно. Только я бы разделил: кто нравится и у кого можно научиться. Мне, например, нравится Франко Корелли, мощный тенор. Но ближе мне Николай Гедда. Сколько же ему в жизни пришлось потрудиться, чтобы добиться мирового признания! У него же не самый сильный голос.

— Дима, а для вашего поколения вокалистов Лемешев и Козловский — еще кумиры? Авторитеты? Это вообще мировой уровень?

— Это мировой уровень. Если бы они могли выезжать — они были бы безумно востребованы. Все судьба играет людьми! Вот как важно попасть в нужное время, влиться в него!

— Какие концерты в последнее время произвели на вас наибольшее впечатление?

— Чечилия Бартоли. Я ее обожаю, но до сих пор знал только по записям. Такого совершенного голосового инструмента я не встречал никогда.

— Интересно, можете ли вы себе представить, что вы поете с ней дуэтом? Или тенора — люди самодостаточные?

— Спел бы с удовольствием! После концерта Бартоли мужской хор Академии приветствовал ее в клубе «Монолит» — мы пели в ее честь «Многая лета». А я еще потом пел «Коробейников». Она меня обнимала-целовала.

Новый музыкальный фестиваль «Черешневый лес» грянул вдруг в Музее А. С. Пушкина весьма эффектно, несмотря на то, что для первого раза концерта всего четыре.

Плетнев на открытии, Башмет на закрытии и «Виртуозы Москвы» в середине — вот вам, казалось бы, и готовый суперфестиваль. Но что там говорить — хочется сенсации. И ею стало выступление 22-летнего певца Дмитрия Корчака с «Виртуозами», которыми в этот раз дирижировал Саулюс Сондецкис.

Димин тенор необыкновенной красоты давно отмечен в Академии хорового искусства Виктора Попова, где он учится. А два года назад его услышал Владимир Спиваков и солидно поддержал предложением постоянно работать с «Виртуозами Москвы». Сотрудничает Дмитрий Корчак и с Российским национальным оркестром. И с Большим симфоническим, и с оркестром «Musica viva». Как сложится судьба этого незаурядного дарования? Пока она ему благоволит. А дальше все будет зависеть от его стойкости перед теми, кому так хотелось бы поскорее получить «второго Баскова». С Дмитрием мы встретились на другой же день после концерта.

— весь в книжках: пишу дипломную работу по «Лозенгину» Вагнера.

— Какое лучшее для вашего голоса пространство? Тут диапазон от подворотни до Большого зала консерватории. Может, в ванной? На берегу моря?

— В училище все поют в гудких туалетах. И еще есть переход из одного здания в другое — там тоже все гудит... Вчера в Музее Пушкина акустика была невыносимая, во всяком случае, на репетиции. Почти как в тех туалетах. Потом публика заполнила зал — стало лучше. Наверное, мне больше подходит камерные залы. Рахманиновский, Малый зал консерватории. Там хоть ощущаешь свой голос. Не напрягаешься. Не надо оркестр перекрывать. Заполнять кубометры Большого театра или Большого зала. «Новая опера» поменьше — наверное, там мне было бы комфортно.

— Со сцены вы смотрите вполне. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что вы вовсе не качок, скорее сублинный молодой человек. Вы занимаетесь физкультурой? Профессия-то нелегкая. Не балет, но все-таки.

— Раньше играл в баскетбол. А сейчас времени нет. Тенору как раз нагрузка вредна. Портфель — сумку с концертным костюмом — и то лучше самому не носить.

— Скоро кого-нибудь наймете... Дима, а вот диапазон у певца развивается в течение жизни?

— Развивается, конечно. Но может точно так же и пропасть. Зависит от занятий. Петь — это же в какой-то степени насилие над природой. Насилие

Цветы
для триумфатора

— А из ваших концертов какие запомнились?

— На памяти — концерты в Эврифшер-холле в Нью-Йорке с «Виртуозами», где я солировал в «Пяти фрагментах» Шнитке. Восьмая симфония Малера со Светлановым. Выступления в Рудольфов Баршам — мы еще в детстве ездили с ним по Италии и Швейцарии, исполняли «Мессу солемнис» Бетховена и си-минорную Мессу Баха. С «Мессой солемнис» у меня просто общая жизнь. Я ее пел дискантом в хоре, потом тенором в хоре, а потом с Федосеевым сольную партию. Осталось только на органе сыграть.

— Из-за диплома вся Театральная олимпиада в пролете?

— Я посмотрел «Полифонию мира» Гингаса и Бахши, потому что там наш хор участвовал. Мне очень запомнился звуковой эффект: звук шел из всех точек зала, был вокруг тебя. Это было хорошо сделано. Очень хорошо играл грек Василис Лагос. Мне показалось, что там не на месте был Гилон Кремер. Он должен был быть такой же эффектный как Василис. Спиваков на месте Кремера был бы артистичнее.

— Вы человек, включенный в жизнь, или все брошено на карьеру? Что-нибудь же читаете? Или, как все ваше поколение, уже ничего?

— Я всегда брал в поездки книжки — коротать безумно долгие переезды на автобусе из одной страны в другую. Сорокина и Пелевина — нет, не читаю. Последнее, что прочел для себя — «Парфюмера» Эюскинда. Это потрясающе. А сейчас читаю только учебную литературу

— Сейчас как-то совсем поредели тенора.

— Бывают времена — полно теноров. Бывает — басов. Я не знаю, может, это от экологии зависит. Но сейчас действительно нет ни теноров, ни октавистов.

— Кто это — октавист?

— Это и есть бас-профундо. Певец, который поет бас еще на октаву ниже. В расцвет хора Свешникова и Ансамбля Александрова там было по несколько октавистов. А, судя даже по Академии, самый распространенный голос — баритон.

— Как начинает будущая знаменитость? Бывает, что у вас ни копейки в кармане? То есть буквально на метро нету?

— Пока я еще не закончил Академию, у меня по крайней мере студенческая карточка на метро. Вот когда отнимут — может, и не будет хватать.

— Ну-у... Встреча со Спиваковым, мне казалось, должна была изменить вашу жизнь.

— Правда, правда. С тех пор, как я работаю в «Виртуозах Москвы», мне хватает даже на мобильный телефон.

— А вы как, собственно, познакомились?

— Пару лет назад Владимир Теодорович безуспешно искал тенора для сочинения Шнитке и в оперу Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Адиректор «Виртуозов Москвы» Георгий Агеев случайно услышал меня на репетиции хора в БЗК — я пел Молодого цыгана в «Алеко» Рахманинова. И предложил мне прослушаться у Спивакова. Мне повезло. И я несколько раз ездил с «Виртуозами» для исполнения Шнитке. А в прошлом летом на спиваковском фестивале в Кольмаре мы с Сергеем Лейферкусом и с Российским национальным оркестром исполнили «Моцарта и Сальери».

— Зарубежные имперсарио вас угладили?

— В Кольмаре ко мне подошел знаменитый имперсарио Мишель Глоц, который десятки лет работал с Караяном, Каллас и Геддой, и сказал, что мой образ Моцарта для него непревзойден. Сейчас мы с ним переписываемся, ведем переговоры о моих возможных выступлениях в Европе.

— Как собираетесь проводить лето?

— В июле мы с хором едем на два фестиваля. К Спивакову в Кольмар и в Германию на «Райнгау» на Рейне. В начале августа с Архиповой поеду на 10 дней в летнюю школу Москва — Питер — Москва. В сентябре — октябрь пройдет первый фестиваль Спивакова в Москве. Мы с Лейферкусом повторим «Моцарта и Сальери». Тогда же я буду поступать в аспирантуру Академии. Потом сразу два концерта в Италии, в Пизе с Российским национальным. В ноябре-декабре, может быть, поеду в Америку, в Хьюстон, на главную партию в молодежной постановке «Похищения из сераля»... А сейчас — дожить бы до середины лета! Может быть, с августа у меня хоть какая-то человеческая жизнь начнется.

— А я вам желаю, чтобы у вас все время была такая нечеловеческая. Как у Попова и Спивакова.

— Я согласен, это лучше, чем сидеть в общежитии и жевать пряники. Хотя не представляю — ведь столько часов в сутках нет, чтобы успеть то, что они делают.

— Меня предупреждали, что вы только внешне ангел, а на самом деле человек железный. Но вы вроде ничего. Гитарой же не дрались.

— Я жесткий. Характер у меня нехороший. Я бываю резким. То есть я очень стараюсь быть хорошим, но у меня не всегда получается.

— Дима, трудно ли улыбаться на сцене? Этому надо специально учиться?

— Нужно учиться. Мы же воспитываемся в хоре, где это в принципе не нужно. Я работаю над собой. С педагогом. И самостоятельно. Перед зеркалом. Говорят, за год сделал большой скачок.

— Почему вы не ездите на международных конкурсы?

— Я еще маленький.

— Вы, наверное, на гитаре играете и поете?

— На гитаре поиграть не успел. Была гитара, да мы с сестрой как-то подрались и разбили ее. Так что играю на всем, кроме гитары.

— В ресторанах не подрабатываете?

— В ресторанах приходилось петь только в поездках с Поповым после ужина. В Москве нет.

— А в церкви?

— В церкви я долго работал. Очень. С 9-го класса. Года три, наверное. На Соколе и в Успенском соборе. А начинал во Фрязино. Там есть усадьба Гребнева, и мы туда ездили на каждые выходные, и при этом два дня отдыхали. Там природа, озеро, две церкви, леса, лужайки.

— Тенора — самые дорогие, самые редкие в мире голоса?

— Самые редкие все-таки контртенор и бас-профундо. Тенор — самый трудновыучиваемый.

— Сейчас как-то совсем поредели тенора.

— Бывают времена — полно теноров. Бывает — басов. Я не знаю, может, это от экологии зависит. Но сейчас действительно нет ни теноров, ни октавистов.

— Кто это — октавист?

— Это и есть бас-профундо. Певец, который поет бас еще на октаву ниже. В расцвет хора Свешникова и Ансамбля Александрова там было по несколько октавистов. А, судя даже по Академии, самый распространенный голос — баритон.

— Как начинает будущая знаменитость? Бывает, что у вас ни копейки в кармане? То есть буквально на метро нету?

— Пока я еще не закончил Академию, у меня по крайней мере студенческая карточка на метро. Вот когда отнимут — может, и не будет хватать.

— Ну-у... Встреча со Спиваковым, мне казалось, должна была изменить вашу жизнь.

— Правда, правда. С тех пор, как я работаю в «Виртуозах Москвы», мне хватает даже на мобильный телефон.

— А вы как, собственно, познакомились?

— Пару лет назад Владимир Теодорович безуспешно искал тенора для сочинения Шнитке и в оперу Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Адиректор «Виртуозов Москвы» Георгий Агеев случайно услышал меня на репетиции хора в БЗК — я пел Молодого цыгана в «Алеко» Рахманинова. И предложил мне прослушаться у Спивакова. Мне повезло. И я несколько раз ездил с «Виртуозами» для исполнения Шнитке. А в прошлом летом на спиваковском фестивале в Кольмаре мы с Сергеем Лейферкусом и с Российским национальным оркестром исполнили «Моцарта и Сальери».

— Зарубежные имперсарио вас угладили?

— В Кольмаре ко мне подошел знаменитый имперсарио Мишель Глоц, который десятки лет работал с Караяном, Каллас и Геддой, и сказал, что мой образ Моцарта для него непревзойден. Сейчас мы с ним переписываемся, ведем переговоры о моих возможных выступлениях в Европе.

— Как собираетесь проводить лето?

— В июле мы с хором едем на два фестиваля. К Спивакову в Кольмар и в Германию на «Райнгау» на Рейне. В начале августа с Архиповой поеду на 10 дней в летнюю школу Москва — Питер — Москва. В сентябре — октябрь пройдет первый фестиваль Спивакова в Москве. Мы с Лейферкусом повторим «Моцарта и Сальери». Тогда же я буду поступать в аспирантуру Академии. Потом сразу два концерта в Италии, в Пизе с Российским национальным. В ноябре-декабре, может быть, поеду в Америку, в Хьюстон, на главную партию в молодежной постановке «Похищения из сераля»... А сейчас — дожить бы до середины лета! Может быть, с августа у меня хоть какая-то человеческая жизнь начнется.

— А я вам желаю, чтобы у вас все время была такая нечеловеческая. Как у Попова и Спивакова.

— Я согласен, это лучше, чем сидеть в общежитии и жевать пряники. Хотя не представляю — ведь столько часов в сутках нет, чтобы успеть то, что они делают.

— Меня предупреждали, что вы только внешне ангел, а на самом деле человек железный. Но вы вроде ничего. Гитарой же не дрались.

— Я жесткий. Характер у меня нехороший. Я бываю резким. То есть я очень стараюсь быть хорошим, но у меня не всегда получается.

— Дима, трудно ли улыбаться на сцене? Этому надо специально учиться?

— Нужно учиться. Мы же воспитываемся в хоре, где это в принципе не нужно. Я работаю над собой. С педагогом. И самостоятельно. Перед зеркалом. Говорят, за год сделал большой скачок.

— Почему вы не ездите на международных конкурсы?

— Я еще маленький.

— Вы, наверное, на гитаре играете и поете?

— На гитаре поиграть не успел. Была гитара, да мы с сестрой как-то подрались и разбили ее. Так что играю на всем, кроме гитары.

— В ресторанах не подрабатываете?

— В ресторанах приходилось петь только в поездках с Поповым после ужина. В Москве нет.

— А в церкви?

— В церкви я долго работал. Очень. С 9-го класса. Года три, наверное. На Соколе и в Успенском соборе. А начинал во Фрязино. Там есть усадьба Гребнева, и мы туда ездили на каждые выходные, и при этом два дня отдыхали. Там природа, озеро, две церкви, леса, лужайки.

— Тенора — самые дорогие, самые редкие в мире голоса?

— Самые редкие все-таки контртенор и бас-профундо. Тенор — самый трудновыучиваемый.

Редакция благодарит директора оркестра «Виртуозы Москвы» Георгия Агеева за помощь в организации материала.